

**Новые данные о финальном этапе биографии А.А. Подкорытова:
к истории «Белогвардейского заговора» 1933 г.**

Филинович Олеся Анатольевна¹

Петин Дмитрий Игоревич^{2,3}

¹ Администрация Ленинского административного округа города Омска, Омск, Россия

² Исторический архив Омской области, Омск, Россия

³ Омский государственный технический университет, Омск, Россия

¹ aliss.filinovich@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 2477-0444

^{2,3} dimario86@rambler.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9987-3347

Аннотация: В исследовании на основе сопоставления вводимых в оборот неопубликованных источников с опубликованными материалами и наработками историографии, в общем контексте событий описан финальный этап судьбы бывшего белого офицера А.А. Подкорытова, ставшего жертвой массовых политических репрессий.

Ключевые слова: массовые политические репрессии, советское общество, спецслужбы, офицерство, бывшие люди, ОГПУ, Омск, Новосибирск.

Постановка проблемы. «Белогвардейский заговор» 1933 г. в Сибири – сюжет, хорошо освещенный в историографии работы отечественных спецслужб и массовых политических репрессий [См., напр.: 1–6]. Однако многотомные материалы следствия, охватывающие несколько регионов Западной Сибири, еще не изучены в полной мере. Обращение к ним позволяет открыть малоизвестные страницы региональной истории, в том числе, проливая свет на биографии бывших офицеров, живших в советской Сибири. Стоит подчеркнуть, что академическими историками самоценная проблема офицерства в условиях революционного социума обозначена как требующая широкого и взвешенного осмысления [7, С. 8].

Биографии кадрового офицера и военного педагога, подполковника Аполлона Аполлоновича Подкорытова уже была посвящена отдельная работа. В до-революционном Омске он был известен как преподаватель фехтования и гимнастики в Омском кадетском корпусе, а также как автор нескольких пособий по подвижным играм. В период Гражданской войны Подкорытов непродолжительно служил в белой армии, затем был советским служащим, педагогом в школах, активно занимался спортом, пропагандируя здоровый образ жизни. В

1920-е гг. он состоял на учете в органах ВЧК–ОГПУ, как бывший офицер. Лишался избирательных прав, но в 1929 г. был восстановлен. Загадкой оставался его жизненный финал после ареста органами ОГПУ [8]. Обращение к документам архива УФСБ России по Новосибирской области позволило прояснить частности по данному вопросу.

Основная часть. Руководящий центр «Белогвардейского заговора» Западно-Сибирского края во главе с бывшим генерал-лейтенантом В.Г. Болдыревым, по версии следствия «находился» в Новосибирске. В конце февраля 1933 г. Подкорытов был арестован сотрудниками ОГПУ в Омске, а впоследствии – доставлен в Новосибирск в составе группы подследственных. Ему, наряду с другим бывшим белогвардейцем – Владимиром Евгеньевичем Шайтановым – инкриминировали организацию в Омске контрреволюционной ячейки, готовящей свержение советской власти. В видении чекистов Шайтанов «вполне подходил» на роль организатора заговора в Омске. Его трагическая фигура в контексте событий 1933 г. сопоставима с личностью Аполлона Подкорытова. Кадровый казачий офицер, участник Первой мировой войны. В белой Сибирской армии возглавлял культурно-просветительский информационный отдел штаба Верховного Главнокомандующего в Омске. Прошел обучение в Академии Генштаба. А родной брат Василия Евгеньевича был полковником Генштаба в войсках Деникина. В советском Омске Шайтанов был известен как педагог, председатель городского общества Осоавиахима и опытный летчик [См. подр.: 9].

За ратные отличия в Русско-японской войне Подкорытов имел несколько боевых наград, но в боях Первой мировой и Гражданской войн участия не принимал, что подчеркивал в советских анкетах [8, С. 86]. Но статный бывший офицер, спортсмен-активист, даже уже в весьма немолодом возрасте имевший хорошую выправку и физическую форму, в формате оперативной разработки, очевидно, вписывался в роль «бойца». Применительно к Аполлону Аполлоновичу следователи ОГПУ использовали клишированные формулировки – «подполковник Омского кадетского корпуса при Колчаке», «подполковник казачьих войск» [11, Т. 13, Л. 11]. Но они не полной степени точны. Офицер действительно служил в Омском кадетском корпусе, но в 1905–1913 гг.; а в 1914–1920 гг. служил в Иркутском кадетском корпусе. Шайтанов в уголовном деле указан как «бывший белый полковник», несмотря на то, что согласно последнему чину в колчаковской армии он был войсковым старшиной [9, С. 275], что соответствовало армейскому подполковнику.

«Белогвардейскому заговору» в Западной Сибири предшествовали процессы в отношении военных «Весна» (1930–1931) и «Паутина» (1931). Главным обвиняемым по делу «Паутина», как и в случае с «Белогвардейским загово-

ром», значился бывший главком войск Уфимской директории генерал-лейтенант Болдырев. Вследствие недостаточности фактов обвинения, Болдыреву удалось избежать наказания. Но 1933 г. масштабы репрессий в Сибири стали гораздо более значительными. Поскольку в иностранных разведках (в том числе, в японских спецслужбах) оказалось в качестве сотрудников и агентуры немало бывших офицеров, степень недоверия органов ОГПУ к жившим в Сибири экс-белогвардейцам была велика. Отмечалась «опасная связь» этой категории общества с общественными организациями, научным сообществом и интеллигенцией региона [См. подр.: 1–2].

«Цель» участников заговора по версии следствия была одна: свержение советской власти. Но в вопросе о политическом строе мнения арестованных «расходились». Одни «выступали» за установление буржуазной демократии с сохранением советов. Буржуазной демократии должна предшествовать военная диктатура. Омское же казачество, как подчеркивалось в протоколах допроса, придерживалось установления монархического строя и идеи возвращения к временам атаманщины [10, Т. 20, Л. 45, 50]. На допросе Шайтанов «указывал», что в 1930 г. из Харбина в Омск прибыл штабс-капитан белой армии Ридзель с поручением атамана Семенова о создании повстанческой организации, к чему бывший войсковой старшина Шайтанов «приступил» в 1931 г. [11, Т. 24, Л. 498]. Но в протоколах допроса Ридзеля указаны другие сведения. Фамилия Семенова при допросе Ридзеля даже не упоминалась. Кроме того, в белой армии Ридзель не служил, к тому же был подпоручиком, а не штабс-капитаном. А [3, С. 35].

Протоколы допросов Подкорытова имеются в рукописном и машинописном виде. В них подследственный не оговаривает мотивы, «побудившие» его к участию в «заговоре». На первом допросе 27 февраля 1933 г. Аполлон Аполлонович сообщил о себе лишь краткие вехи биографии, подчеркнув, что ни в каких политических партиях не состоял, и репрессиям не подвергался [11, Т. 19, Л. 114]. Очевидно, к этому времени относится одно из первых его тюремных писем к жене Марии Ивановне, где читаем: «<...> дела нет на меня <...> мне больно за Вас» [12]. В другом письме арестант рекомендовал супруге обратиться к Григорию Ивановичу Торобчуку, у которого имелся знакомый партийный работник. В конце письма высказал предположение по поводу лагеря: «<...> Срок высылки или лагеря не знаю, где потом жить обдумаем вместе» [13]. По логике, оба письма написаны в Омске, до отправки партии подследственных в Новосибирск.

Публицист П.А. Брычков подробно описал омскую внутрикамерную атмосферу, в которой был Подкорытов (психологическая «обработка» заключенных,

их дискуссии, высказываемые сомнения о будущем). Часть арестантов, «признавшая вину», пользовалась возможными тюремными благами. Они имели свидания, получали передачи, лучше питались, ходили в баню. Остальные, кого не сломил духом, были лишены даже возможности менять одежду и белье [3, С. 38, 40]. Но, в итоге, оговорил себя и Подкорытов. В письмах к жене, которые могли попасть к третьим лицам, он лишь коротко указывал, что много переболел за время нахождения в тюрьме. В каждом письме просил принести ему книги, в том числе, по подвижным играм, которые помогали ему справиться с собственными тревожными мыслями. Он подчеркивал: «без чтения я одуреваю». Вероятно, работниками ОГПУ Подкорытову за сотрудничество со следствием был обещан меньший тюремный срок. Полагаем так, поскольку за несколько месяцев до расстрела Аполлон Аполлонович все еще был уверен, что ему грозит заключение в лагерь. В письме, написанном в мае 1933 г., он сообщал: «Добейся свидания 31 мая и не позднее 1-го июня. Когда можно рассчитывать узнать решение моей участи. <...>. Если позволят деньги для этапа, купить туристический мешок «Динамо»... <...> Даже сестрам не говори о моем предположении, высказанном в первом ответе...<...> Уже три месяца сижу, устал...» [14]. «...<...> Что в городе говорят про меня?... <...> Если буду в концентрационном лагере, то там и белье и одежда, и сапоги все дают и мне ничего не давать из этого» [15]. Большое значение здесь для оценочных суждений представляет тюремная переписка В.Е. Шайтанова с его сестрой. Он прямо заявлял Марии Евгеньевне, что «все роли «Белогвардейского заговора уже распределены и сознается ли он или нет – это не имеет значения; живым он отсюда не выйдет, ему приписывают расстрельное дело...» [10, С. 15].

Возвращаясь к протоколам допросов Подкорытова, стоит отметить, что с каждым протоколом «появлялись» новые детали в отношении «заговора», а почерк отличался от оригинального. Аполлон Аполлонович указывал, что он был «завербован» в организацию неким Булатовым, который поручил ему развернуть в Омске и районах контрреволюционные повстанческие организации. В первых числах января 1933 г. встретил бывшего полковника Генштаба Шайтанова. Тот «сообщил», что в Омске организация создала более 30 контрреволюционных ячеек из числа бывших белых, рабочих и служащих; всего более 100 человек. Шайтанов предложил Подкорытову стать активным участником в руководящей группе [11, Т. 19, Л. 115–115об., 125].

Фразы из протоколов допросов Подкорытова «не отличаются» оригинальностью суждений. Они, как и у других арестантов – шаблонные, «отвечающие» оперативной разработке сотрудников ОГПУ. Роль Подкорытова, как организатора заговора, в полном объеме неясна. Формулировки ограничивались упомина-

ниями вербовки, вредительства и диверсионной деятельности. Срок восстания указывался подследственными неопределенно – начало войны с Японией. Заговорщики должны были нападать на поезда, отправленные на фронт для поставки оружия, а боевые ячейки – производить налеты на милицию, Осоавиахим, захватывать оружие, всячески уничтожать советскую власть [11, Т. 19, Л. 131].

В материалах следствия кадровые офицеры представлены были скорее не как опытные военные, а как группа бандитов, нацеленная на диверсии и вредительство. На наш взгляд, ОГПУ значимую роль в заговоре отводило не сколько бывшим белым офицерам, а именно казакам – другой «традиционной» угрозой коммунистического строю. По материалам следствия, планирующееся «выступление» казаков создавало хоть какую-то видимость существования плана. Так, руководитель контрреволюционной организации Назаров после получения извещения о начале восстания должен выехать в Черлакский, Любинский районы и организовать выступление казачьих ячеек, обезоружить милицию, уничтожить коммунистов. В то же время в Тевризском районе казачий отряд заговорщиков под руководством Дмитрия Дмитриевича Сорокина должен был разделиться на две группы. Первая двигается на Омск, другая – вверх по Иртышу в Казахстан для поднятия восстания в казачьих станицах Прииртышья. Вторая группа направляется в Тару, поднимая восстание в кулацких спецпоселениях Тарского района [11, Т. 19, Л. 133, 134]. Стоит отметить, что на территории Омской области потенциально недовольные советской властью казаки действительно проживали в Черлакском районе. Но на деле большая часть омского казачества предпочитала пассивную борьбу с советской властью в виде саботажа [4, С. 139–140].

Следствием в общей сложности было установлено наличие 238 ячеек и 2114 участников организации. По Омской области 256 чел. были осуждены к разным срокам заключения [См. подр.: 5]. Решением коллегии ОГПУ по Западно-Сибирскому краю от 5 августа 1933 г. Аполлон Аполлонович Подкорытов был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

В 1956 г. органами КГБ в рамках ведомственной проверки материалов «Белогвардейского заговора» было передопрошено 33 фигурантов дела. В начале января 1957 г. дал показания Андрей Семенович Остапенко (бывший подпоручик белой армии, в 1933 г. осужден к 10 годам заключения, а в 1949 г. – к высылке на поселение в Красноярский край). Он вспоминал, как во время заключения общался с Аполлоном Аполлоновичем незадолго до этапа в Новосибирск: «...По разговорам, имевшим место среди арестованных, Подкорытов проходил как организатор контрреволюционной организации в Омске. Встретив его в бане, я спросил у Подкорытова, правильно ли говорят, что он руководитель контрреволюционной организации. На что Подкорытов сказал, что раз-

говоры соответствуют действительности, что его вызвали в Новосибирск, по его выражению, «для просветления мозгов» и он теперь все, что ему говорят, пишет или подписывает. Из разговора с ним я понял, что он хоть и значится организатором, но ему так же, как и мне, ничего неизвестно о существовании контрреволюционной организации» [3, С. 39].

В заключении, оформленном 26 апреля 1957 г. по итогам проверки дела органами КГБ, указано: «Протоколы допроса были написаны трафаретно с наличием противоречий. Показания в части вредительской деятельности не подтверждались фактами» [11, Т. 24, Л. 498–499]. Определением № 1627 Военного трибунала Сибирского военного округа от 11 ноября 1958 г. дело на участников «Белогвардейского заговора» было прекращено за отсутствием состава преступления [11, Т. 24, Л. 547]. Всего по «Белогвардейскому заговору» реабилитировали более 1500 чел. Честное имя тогда было восстановлено и А.А. Подкорытову. В.Е. Шайтанова реабилитировали в 1993 г.

Результаты исследования. Прделанная работа – дополнительное свидетельство в пользу того, что проблема адаптации бывших участников белого движения к условиям советского государства и социума актуальна и требует взвешенных восполнений, выстроенных на основе оригинальной документальной базы. Подчеркнем, что в Омске внимание к указанной проблеме имеет не только со стороны научного мира, но и широкой общественности. Доказательством тому служит опыт работы тематических площадок публичной истории [См. подр.: 16; 17, С. 74–77].

Согласимся, что для общественной жизни Омска рубежа 1920–1930-х гг. и В.Е. Шайтанов, и А.А. Подкорытов были личностями, известными и среди представителей бывшего офицерства, и среди городской интеллигенции, в целом. Невзирая на то, что в городе тогда проживали десятки бывших штаб-офицеров белой армии и даже несколько колчаковских генералов (например, Н.Н. Артамонов, Н.Е. Вараксин, Н.М. Сеницкий и др.), являвшихся скромными канцелярскими служащими, никто из них не стал фигурантом «Белогвардейского заговора». Для первых двоих из них роковой черед в итоге все же настанет, но спустя четыре года.

А в 1933 г. в поле зрения ОГПУ, как «опасные элементы» попали те, кто был заметно моложе, но что видимо было важно для следствия – более активен и заметен. Еще одна важная деталь. Исходя из выполняемых с большим рвением своих обязанностей в рамках педагогической и общественной деятельности и Шайтанов, и Подкорытов концентрировали вокруг себя молодежь, так или иначе, будучи для них авторитетами, лидерами мнения. Стоит полагать, что это дополнительно привлекало к их личностям внимание со стороны органов без-

опасности региона. Стоит учесть, что омские чекисты в тот период вели активные оперативные разработки и в отношении бывших представителей исторической контрреволюции, и в отношении отдельных групп молодежи [См. подр.: 4, С. 59–163]. Таким образом, совокупность перечисленных факторов в условиях ужесточения в СССР общественно-политической обстановки вряд ли могла обеспечить для живших в бывшей колчаковской столице двух профессионально и общественно активных бывших боевых казачьих офицеров А.А. Подкорытова и В.Е. Шайтанова, какие-либо радужные перспективы.

Список источников и литературы

1. Шишкин В.И. К биографии генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева: новые источники // Вопросы истории. 2020. № 12. С. 4–9.
2. Красильников С.А. Чекисты против научной интеллигенции (по материалам «Дела о Западно-Сибирском белогвардейском заговоре» 1933 г. // Архивная служба: путь длиною в век. Традиции сохранения документального исторического наследия. Мат–лы межрег. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 23 мая 2018 г.). Новосибирск, 2018. С. 1–4.
3. Брычков П.А. Заговор, которого не было // Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий в Омской области. Т. 3. Омск, 2001. С. 29–49.
4. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск, 2017. 280 с.
5. Уйманов В.Н. Карательная операция против бывших белых офицеров в Западной Сибири в 1933 году // Вестник ТГПУ. 2012. № 6. С. 243–248.
6. Петин Д.И. Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в советской России // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 288–306.
7. Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 6–12.
8. Филинович О.А. Жизненный путь подполковника А.А. Подкорытова // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2019. № 22. С. 82–90.
9. Трофимов М.Ю. Социальная адаптация в советской России бывшего генштабиста В.Е. Шайтанова // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы III всеросс. науч.-практ. конф. (Омск, 13–14 нояб. 2019 г.). Омск, 2019. С. 271–278.

10. Трофимов М.Ю. Сибирский казак, летчик, герой первой мировой войны В.Е. Шайтанов // Национальные приоритеты России. 2019. № 3. С. 19–27.
11. Архив УФСБ России по Новосибирской области. Ф. 8. Д. 7285.
12. Музей истории городского быта. ИНВ-10075(а).
13. Музей истории городского быта. ИНВ-10087.
14. Музей истории городского быта. ИНВ-10092.
15. Музей истории городского быта. ИНВ-10076.
16. Мамонтова М.А. Круглый стол в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области // Отечественные архивы. 2023. № 6. С. 120–122.
17. Мамонтова М.А., Федотова И.В. Круглый стол в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области // Сибирский архив. 2025. № 1. С. 64–80.

Для цитирования: Филинович О. А., Петин Д. И. Новые данные о финальном этапе биографии А.А. Подкорытова: к истории «Белогвардейского заговора» 1933 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI международной научно-практической конференции (Омск, 22–23 октября 2025 г.). Омск: ОмГТУ, 2025. С. 383–390.